

Уголовно-правовые контуры восстановительного правосудия

АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВНА ХОЛОИМОВА

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия,
vasilenko-as@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4029-8502>

ЛЕВ РОМАНОВИЧ КЛЕБАНОВ

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия,
klebanov_lr@pfur.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1452-9568>

Реферат

Введение: в ходе исследования рассмотрены теоретические основы восстановительного правосудия, его модели и типы, проанализированы стадии уголовного судопроизводства, на которых возможно применение медиативных процедур. Исследовано соответствие института восстановительного правосудия принципам уголовного права. *Цель:* комплексное изучение уголовно-правовых аспектов восстановительного правосудия, анализ его соответствия принципам уголовного права и определение перспектив развития данного института в российском законодательстве. *Методы:* формально-юридический метод, сравнительно-правовой анализ, системный подход, метод толкования правовых норм и историко-правовой метод. *Результаты:* исследование показало, что институт восстановительного правосудия может органично существовать в рамках уголовно-правовых норм; определены три основные модели реализации восстановительного правосудия; выявлены стадии уголовного процесса, где возможно применение медиации; установлено соответствие института принципам уголовного права. *Выводы:* уголовно-правовые отношения возникают между преступником и потерпевшим, реализуются через восстановительное правосудие с участием государства, преступника, потерпевшего и медиатора при соблюдении ключевого фактора – взаимного согласия сторон. Сфера применения восстановительного правосудия охватывает все стадии уголовного процесса. Правовая основа соответствует принципам уголовного права, базируется на ст. 76 УК РФ, согласуется с целями наказания. Обозначено перспективное развитие, а именно оформление института как иной меры уголовно-правового характера, указано на необходимость корректировки уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

К л ю ч е в ы е с л о в а : восстановительное правосудие; уголовное право; медиация; примирение сторон; иные меры уголовно-правового характера; уголовно-правовые отношения; принципы уголовного права.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Холоимова А. С., Клебанов Л. Р. Уголовно-правовые контуры восстановительного правосудия // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 3 (71). С. 252–260. doi 10.46741/2686-9764.2025.71.3.003.

Original article

Criminal Law Contours of Restorative Justice

ALEKSANDRA S. KHOLOIMOVA

RUDN University, Moscow, Russia, vasilenko-as@rudn.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4029-8502>

LEV R. KLEBANOV

RUDN University, Moscow, Russia, klebanov_lr@pfur.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1452-9568>

Abstract

Introduction: the research considers theoretical foundations of restorative justice, its models and types and analyzes criminal proceeding stages where mediation procedures can be used. The compliance of the institution of restorative justice with the principles of criminal law is studied. *Purpose:* to conduct a comprehensive study of the criminal law aspects of restorative justice, analyze its compliance with the principles of criminal law and determine prospects for the development of this institution in Russian legislation. *Methods:* formal legal method, comparative legal analysis, systematic approach, method of interpretation of legal norms and historical legal method. *Results:* the study shows that the institution of restorative justice can organically exist within the framework of criminal law norms; three main models of implementing restorative justice are identified; stages of the criminal process where mediation is possible are determined; the institution's compliance with criminal law principles are established. *Conclusions:* criminal law relations arise between the offender and the victim, are implemented through restorative justice with the participation of the state, the offender, the victim and the mediator, while respecting the key factor – mutual consent of the parties. The scope of restorative justice covers all stages of the criminal process. The legal framework complies with criminal law principles, is based on Article 76 of the Criminal Code of the Russian Federation, and is consistent with the purposes of punishment. The institution can be designed as another criminal law measure and the criminal and criminal procedure legislation can be adjusted.

Keywords: restorative justice; criminal law; mediation; reconciliation of the parties; other criminal law measures; criminal law relations; principles of criminal law.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Kholoimova A.S., Klebanov L.R. Criminal law contours of restorative justice. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 3 (71), pp. 252–260. doi 10.46741/2686-9764.2025.71.3.003.

Восстановительное правосудие по уголовным делам

Интерес к институту восстановительного правосудия по уголовным делам (restorative criminal justice) во всем мире обусловлен рядом объективных факторов, прежде всего неспособностью государства решить проблемы контроля над преступностью и борьбы с ней исключительно с помощью жестких репрессивных мер. Строгость наказания, как показывает практика, не имеет прямой корреляции с уровнем преступности – суровые наказания его, как правило, не снижают. Более того, чрезмерная уголовная репрессия может возыметь обратный эффект, лишь усугубляя уголовно-правовые конфликты. Под таким конфликтом понимается «столкновение биполярных интересов лица, совершившего преступление (с одной стороны), и потерпевшего, общества, государства (с другой стороны) в сфере гарантирования и реализации общественных отношений, охраняемых уголовным законом» [1, с. 11–12].

Факт совершения преступления порождает соответствующие отношения не только между преступником и государством, которое привлекает это лицо к уголовной ответственности, но и между потерпевшим, преступником, государством и обществом. Обязательный учет интересов потерпевшего при разрешении уголовно-правового конфликта является залогом стабильного функционирования всей системы государственного контроля над преступностью, которая должна быть направлена не только на карательное воздействие, но и на восстановление нарушенных преступлением прав.

Очевидно, что система восстановительного правосудия возможна не по всем категориям уголовных дел, а участниками примирительных программ могут быть не все преступники (вряд ли, кто-то будет сомневаться в невозможности применения таких про-

цедур в отношении серийных убийц, насильников-педофилов, террористов и т. п.).

В действующем российском законодательстве не содержится определения восстановительного правосудия, однако в науке уголовно-процессуального права существуют его доктринальные определения [2, с. 6]. Кроме того, Письмо Минпросвещения России от 11.04.2025 № 07-1660 «О методических рекомендациях» (вместе с «Методическими рекомендациями по организации деятельности служб медиации и примирения») определяет восстановительное правосудие «как новый подход к отправлению правосудия и понимание справедливости, направленный прежде всего не на клеймение, наказание и изоляцию виновного от общества, а на осознание и заглаживание обидчиком причиненного жертве материального, эмоционально-психологического (морального) и иного вреда, исцеление жертвы в ходе восстановительного процесса, прекращение вражды и восстановление разрушенных отношений в сообществе, участие значимых людей в интеграции в общество правонарушителя и пострадавшего, причем участники ситуации сами являются субъектами ее исправления/решения».

Современная юридическая наука выделяет три типа (модели) восстановительного правосудия (медиации жертвы и преступника):

– первая модель представляет собой часть обычного уголовного процесса (на определенной стадии уголовного процесса дело направляется медиатору, на которого возложена обязанность достичь соглашения между лицом, совершившим преступление, и потерпевшим);

– вторая модель представляет собой реальную альтернативу уголовному законодательству (на ранней стадии дело выводится из системы уголовного правосудия);

– третья модель примыкает к традиционной си-

стеме уголовного правосудия (она является дополнительным средством, часто используемым после вынесения судом окончательного решения) [3].

Мы полагаем, что в России институт восстановительного правосудия не может существовать вне уголовно-процессуальных и уголовно-правовых рамок. В конце концов, отечественное уголовное законодательство устанавливает, что преступность и наказуемость деяния, а также иные уголовно-правовые последствия определяются только Уголовным кодексом Российской Федерации. Это подтверждает и анализ норм Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Положения этого закона распространяются на споры, возникающие из гражданских, административных и иных публичных правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также споры, возникающие из трудовых и семейных правоотношений. Если споры возникли из иных отношений, то действие закона распространяется на отношения, связанные с урегулированием таких споров путем применения процедуры медиации только в случаях, предусмотренных федеральными законами. После возникновения споров, рассматриваемых в порядке гражданского, административного судопроизводства и судопроизводства в арбитражных судах, процедура медиации также может применяться. Как видим, нигде нет упоминания об уголовном судопроизводстве, которое возможно лишь в связи с рассмотрением дел об уголовно наказуемых деяниях.

Такие процедуры возможны:

- на стадии полицейского расследования (at the police level, pre-charge);
- на стадии предъявления обвинения, но до передачи дела в суд (prosecution level, postcharge but usually before a trial);
- на стадии нахождения дела в суде: в ходе предварительного слушания или рассмотрения дела по существу (either at the pre-trial or sentencing stages);
- в процессе исправительного воздействия во время исполнения приговора (в качестве альтернативы лишению свободы, как часть или дополнение к наказанию, не связанному с лишением свободы, во время лишения свободы или после освобождения из тюрьмы) [2, с. 13].

Современные тенденции развития рассматриваемого института позволяют выделить следующие типы программ восстановительного правосудия:

- медиация потерпевшего и преступника (victim offender mediation);
- групповые совещания между семьями и ответственностью (community and family group conferencing);
- круги правосудия (circle sentencing);
- кружки примирения (peacemaking circles);
- восстановительная пробация и работа общественных советов и комиссий (reparative probation and community boards and panels) [2, с. 14–15].

По нашему мнению, некоторые программы восстановительного правосудия можно рассматривать

в качестве средства дифференциации уголовной ответственности. По мнению Т. А. Лесниевски-Костаревой, в действующем уголовном праве России можно выделить два вида такой дифференциации:

- дифференциация уголовной ответственности посредством градации типового наказания;
- дифференциация уголовной ответственности посредством освобождения от уголовной ответственности (этот вид обеспечивается нормами гл. 11 УК РФ и так называемыми специальными видами освобождения от уголовной ответственности за отдельные виды преступлений) [4, с. 174–178].

Однако в науке уголовного права эта классификация далеко не единственная, при том что к иным видам дифференциации уголовной ответственности относят также ответственность несовершеннолетних, освобождение от уголовного наказания, совокупность приговоров и т. п. [5, с. 278]. Как отмечает Е. В. Рогова, критериями дифференциации уголовной ответственности являются характер и степень общественной опасности деяния, личность виновного и форма вины [6, с. 14–15].

Так или иначе, но именно в гл. 11 «Освобождение от уголовной ответственности» УК РФ содержится норма, которая наиболее ярко воплощает начала восстановительного правосудия. Речь идет о ст. 76 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим».

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» отмечает, что «освобождение от уголовной ответственности является отказом государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление (в частности, от осуждения и наказания такого лица)» (п. 1). Здесь же высшая судебная инстанция подчеркивает, что через применение «норм главы 11 Уголовного кодекса Российской Федерации реализуются принципы справедливости и гуманизма» [1].

Отличительные признаки института освобождения от уголовной ответственности как такового выделила в свое время С. Г. Келина:

- органам дознания, следователю, прокурору и суду (до удаления в совещательную комнату) предоставлено право констатировать наличие признаков преступления, освободить лицо от уголовной ответственности согласно одному из оснований, предусмотренных в гл. 11 УК РФ, и прекратить уголовное дело;
- эта процедура не является реабилитацией лица, поскольку не отменяет факта совершения лицом преступления (если лицо возражает против прекращения уголовного дела по таким нереабилитирующим основаниям, то у него есть право требовать рассмотрения его дела в общем порядке);
- вопрос о виновности (невиновности) лица не обсуждается;
- прекращение уголовного дела при освобождении от уголовной ответственности является окончательным решением по данному уголовному делу [7, с. 73–74].

Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим возможно при выполнении двух условий: примирения лица, совершившего преступление, с потерпевшим и заглаживания причиненного ему вреда.

Соответствие восстановительного правосудия принципам уголовного права

Институт восстановительного правосудия по уголовным делам по своей природе является межотраслевым, объединяя нормы уголовного, уголовно-процессуального и конституционного права. Однако ключевым материально-правовым основанием этого института будут положения уголовного закона. Этот вывод вытекает из ст. 1 и 3 УК РФ. Преступность и наказуемость деяния, а также все иные уголовно-правовые последствия устанавливаются исключительно уголовным законодательством (принцип законности). Очевидно, что данный институт не может противоречить принципам уголовного права, поэтому ниже постараемся продемонстрировать эту непротиворечивость.

Институт восстановительного правосудия, по нашему мнению, соответствует всем принципам уголовного права: расхождений между ними мы не обнаружили. Если этот институт оформлять в качестве отдельного систематизированного блока норм УК РФ (а некоторые его нормы в российском уголовном законе уже содержатся), то такой шаг полностью будет соответствовать принципу законности, о котором мы упоминали.

Институт восстановительного правосудия согласуется и с принципом вины (ст. 5 УК РФ), в соответствии с которым лицо подлежит уголовной ответственности только за те деяния и наступившие последствия, в отношении которых установлена его вина. Институт восстановительного правосудия, который содержит целый ряд правоограничений для лица, совершившего преступления, может, по нашему мнению, рассматриваться как один из видов уголовной ответственности. Следовательно, участником соответствующих процедур в рамках этого института может быть только лицо, вина которого установлена. Кроме того, как показывает зарубежный опыт, медиация возможна только с участием лица, которое признало свою вину в совершении преступления, вне зависимости от формы вины совершенного таким лицом преступления.

Согласно принципу справедливости (ст. 6 УК РФ) наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми (соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного).

Институт восстановительного правосудия базируется и на этом принципе тоже, что должно исключить возможность участия в примирительных процедурах тех лиц, которые совершили определенные группы преступлений (тяжкие и особо тяжкие преступления против жизни или здоровья, преступления террористического и экстремистского характера и т. д.). Даже сейчас ст. 76 УК РФ и 25 УПК РФ, которые ассоциируются именно с институтом восстановительного пра-

восудия, содержат определенные ограничения на их применение: освобождение от уголовной ответственности и прекращение уголовного дела является правом, а не обязанностью уполномоченных субъектов уголовного судопроизводства (см., например, Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13.03.2025 № 77-509/2025 (УИД 29RS0014-01-2024-007375-12); Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.03.2025 № 77-905/2025 (УИД 38RS0004-01-2024-000675-47); Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 04.06.2007 № 519-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Ленинского районного суда города Махачкалы о проверке конституционности статьи 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»), и, кроме того, такое освобождение возможно лишь в случае совершения преступления небольшой или средней тяжести. Судебное толкование положений ст. 76 УК РФ недвусмысленно говорит о необходимости учитывать число объектов преступного посягательства (см., например, Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»). Если в результате совершения преступления вред был причинен нескольким объектам, при этом интересы личности основным объектом не являются (им является, например, нормальная деятельность органов государственной власти в лице представителей власти), то прекращение уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим, как правило, невозможно (Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15.01.2025 № 77-100/2025; Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 13.11.2024 № 77-3827/2024 (УИД 63RS0040-01-2024-002596-93)).

Понятно, что такая категория, как «справедливость», различными участниками уголовно-правовых отношений будет трактоваться по-разному: назначенное наказание может показаться несправедливым как преступнику (чрезмерно строгое), так и потерпевшему или его близким (чрезмерно мягкое).

В большинстве своем осужденные считают назначенные им наказания несправедливыми, а себя рассматривают едва ли не как жертв государственного произвола. В качестве первопричины такого отношения лежит непонимание механизма своего поведения и той обстановки, которая сложилась в результате действий виновного. Программы восстановительного правосудия призваны помочь лицу осознать, что негативные последствия его неправомерного поведения наступили только благодаря ему самому. А максимум «закон суров, но он есть закон» нужно принять как неизбежный результат своего же деяния. Презумпция о том, что «незнание закона не освобождает от ответственности» (*ignorantia non excusat*), служит еще одним доводом в пользу принятия назначенного наказания: такое незнание не может лежать в основе оправдания несправедливости реакции со стороны государства.

В этой связи отдельного внимания заслуживает вопрос о возможности участия в медитативных процедурах тех лиц, что совершили преступления, дела по которым относятся к категории частно-публично-обвинения. Как известно, действующее уголовно-процессуальное законодательство устанавливает запрет прекращать такие уголовные дела в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым (ч. 3 ст. 20 УПК РФ). Очевидно, что это правило может быть подвергнуто пересмотру в будущем, если в отечественном судопроизводстве институт медиации будет формализован.

В целом же нельзя не согласиться с высказыванием С. Г. Келиной о том, что «смысл восстановительного правосудия заключается в восстановлении справедливости в той или иной форме» [7, с. 73].

Принцип гуманизма в уголовном праве (ст. 7 УК РФ) означает нацеленность уголовного законодательства Российской Федерации на обеспечение безопасности человека и недопустимость причинения физических страданий или унижения человеческого достоинства наказанием или иными мерами уголовно-правового характера. Уголовный закон не раскрывает понятие «безопасность человека», но можно сделать вывод, что речь идет не только о потерпевшем. По нашему мнению, человек в данном контексте воспринимается как участник уголовно-правовых отношений (охранительных, предупредительных, регулятивных) [8], и, следовательно, таким участником может быть как потерпевший, так и обвиняемый, а также иные лица.

Среди официально установленных принципов уголовного права нет принципа неотвратимости наказания, следовательно, не каждое совершенное преступление должно влечь и влечет уголовную ответственность именно с назначением наказания.

С другой стороны, всякое преступление должно повлечь юридическую ответственность, но эта ответственность необязательно должна состоять в уголовном наказании, поскольку при совершении некоторых категорий преступлений целесообразно применять не наказание, а иные меры [7, с. 72].

Экономия уголовной репрессии в виде уголовного наказания является еще одним проявлением принципа гуманизма, что лишний раз свидетельствует о соответствии института восстановительного правосудия принципу гуманизма.

Соотношение института восстановительного правосудия с целями уголовного наказания и целями мер уголовно-правового характера

Цели уголовного наказания напрямую установлены в законе: ст. 43 УК РФ относит к ним восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений.

О соотношении справедливости в уголовном праве и института восстановительного правосудия мы уже говорили выше.

Что касается исправления осужденного, то о нем подробнее говорит ст. 9 УИК РФ: исправление осужденных представляет собой «формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, тру-

ду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения».

Как видим, такое исправление содержит соответствующий психологический компонент – уважительное отношение к вышеуказанным охраняемым законом благам. Это означает осознание виновным общественной вредности своего деяния, понимание его социальной опасности и решимость не допускать такого поведения в будущем. Если обратиться к психологии, то осознанность в этой научной области определяется как способность в данный момент замечать свои мысли, эмоции, ощущения в теле. Это способность фиксироваться на своем внутреннем состоянии или том, что происходит вокруг в настоящий момент.

Состояние осознанности позволяет выбирать лучшие, эффективные решения и способы достижения целей; сохранять самообладание и самоконтроль; снижать количество импульсивных, необдуманных поступков с разрушительными последствиями; получать от жизни больше радости и удовольствия. Осознанность не является постоянным свойством, это навык, который можно развивать и совершенствовать. Человек, как правило, переходит от осознанного состояния к неосознанному, в том числе бесконтрольно, в различных жизненных ситуациях.

Психологи утверждают, что для формирования здоровых взаимоотношений необходимо, чтобы участники этих взаимоотношений совершали позитивные действия и как бы вносили позитивный вклад в эти отношения. Исправление осужденного предполагает, что в последующем такое лицо уже не будет совершать новых преступлений.

Однако если совместить цели, обозначенные в уголовном кодексе, и знания психологической науки и учесть, что человек не способен сформировать здоровое отношение к чему-либо без вложения в это что-либо, то мы приходим к выводу, что путем лишений, ограничений и изоляции от общества достичь целей исправления крайне сложно. Потому как исправиться – означает изменить свое поведение, отношение к совершенному деянию, а негативную реакцию уголовного закона на это деяние рассматривать как закономерный результат своего юридически упречного поведения.

Но практика показывает, что исправление осужденного не всегда может быть достигнуто путем применения именно уголовного наказания, так как процесс исполнения наказания всегда связан с лишением и ограничением прав и свобод осужденного лица (карательный элемент), но обязанность осуществления какого-либо позитивного поведения (элемент раскаяния) не предполагает. Только лишь через осознанное и позитивное действие по отношению к потерпевшему может быть достигнута истинная цель в виде исправления. Наряду с этим обнаруживается, что медиация и другие программы восстановительного правосудия, наоборот, нацелены на то, чтобы в самих этих программах принимали участие одновременно и потерпевший, и обвиняемый. Участие их должно приводить к выработке взаимовыгод-

ного и взаимоприемлемого соглашения о том, какие действия могут способствовать исправлению той ситуации, которая между ними возникла.

Однако в настоящее время позитивные действия подозреваемого или обвиняемого на протяжении уголовного судопроизводства воспринимаются другими участниками судопроизводства, в том числе теми, от которых зависят движение дела или какие-либо итоговые решения, исключительно как смягчающие обстоятельства и в редких случаях как основания для прекращения уголовного судопроизводства или уголовного дела.

Вместе с тем в ст. 62 и 64 УК РФ предусмотрена возможность суда при постановлении приговора учесть позитивное поведение виновного во время или после совершения преступления, другие обстоятельства, существенно уменьшающие степень общественной опасности преступления, и в результате назначить наказание, не превышающее установленного (сниженного) предела, либо назначить более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление. Опять обнаруживаем прочную основу для реализации программ восстановительного правосудия. Ведь каждая такая программа нацелена именно на активизацию позитивного поведения преступника для снижения негативности наступивших последствий.

Институт восстановительного правосудия, как видим, в ряде случаев разрывает жесткую связь по типу: «преступление всегда влечет наказание». О том, что такую связь разрывает институт иных мер уголовно-правового характера, отмечала С. Г. Келина [9].

Современная наука уголовного права к мерам уголовно-правового характера относит разнообразные правовые последствия совершения общественно опасного деяния, предусмотренные уголовным законодательством в виде наказания и (или) иных уголовно-правовых мер, вследствие чего меняется правовое положение лица [10, с. 9].

В свою очередь, эти меры можно разделить на две группы [10, с. 11]:

- меры (формы реализации) уголовной ответственности;
- иные меры уголовно-правового характера.

К первой группе В. Н. Куфлева относит наказание, условное осуждение, судимость, освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания, ко второй – принудительные меры воспитательного воздействия, принудительные меры медицинского характера, конфискацию имущества и судебный штраф [10, с. 11–12].

К основным признакам иных мер уголовно-правового характера принято относить следующие: имеют уголовно-правовую природу (закреплены непосредственно в уголовном законе); являются последствиями совершенного преступления либо общественно опасного деяния; выражают негативное отношение государства к совершенному лицом противоправному деянию; заключают в себе порицание преступления; не содержат карательной составляющей; носят некарательный, альтернативный наказанию характер; являются принудительными; сопряжены с правоограничениями [10, с. 16].

Если сравнить этот перечень признаков с теми, что присущи институту восстановительного правосудия по уголовным делам, то подавляющее большинство из них будут совпадать.

Что же касается целей иных мер уголовно-правового характера, то действующее законодательство не содержит их универсального перечня: «свои» цели предусмотрены только для принудительных мер медицинского характера. Тем не менее в науке уголовного права к таким универсальным целям относятся: обеспечение безопасности общества; устранение условий, способствующих совершению запрещенных уголовным законом деяний; предупреждение их совершения; восстановление положения потерпевшего [11].

Несмотря на дискуссионность позиций авторов относительно целей иных мер уголовно-правового характера, всем без исключения мерам присуща цель специальной превенции [10, с. 16]. Собственно, такая же цель присуща и восстановительному правосудию.

Примирение с потерпевшим в действующем уголовном праве как основа института восстановительного правосудия

Норма об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим отражает диспозитивные начала в уголовном праве, согласно которым определенная часть уголовно-правовых отношений регулируется методом дозволения.

Правила ст. 76 УК РФ свидетельствуют о процессуальной значимости фигуры потерпевшего, «добрая воля» которого позволяет прекратить уголовное преследование. Само собой разумеется, юридическое значение волеизъявления потерпевшего не безгранично, поскольку Уголовный кодекс Российской Федерации и Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 19 четко обозначили условия применения данной нормы:

- совершение преступления впервые;
- преступление относится к категории небольшой или средней тяжести;
- лицо примирилось с потерпевшим;
- лицо загладило причиненный вред;
- освобождение от уголовной ответственности по данному основанию является правом, а не обязанностью уполномоченного субъекта уголовного судопроизводства (в частности, суда).

О том, какое преступление считается совершенным впервые, подробно говорится в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 19. В этом же документе говорится о том, что понимается под заглаживанием причиненного вреда, как определяется имущественный ущерб и т. п. (п. 2.1).

Хотелось бы особо обратить внимание на некоторые особенности составов преступлений, подпадающих под категорию небольшой или средней тяжести. Как известно, в основу категоризации преступлений положены характер и степень общественной опасности деяния, но дело в том, что наличие тех или иных преступных последствий (например, смерти потерпевшего) может являться признаком объективной

стороны, в том числе преступлений средней и небольшой тяжести, включая и некоторые виды убийств. Тем не менее наличие смерти пострадавшего в результате совершения преступления не исключает возможности применения данной нормы: согласно ч. 8 ст. 42 УПК РФ происходит переход прав потерпевшего в таких случаях к одному из близких родственников погибшего, и примирение с таким лицом (потерпевшим в процессуальном смысле слова) может служить основанием для применения ст. 76 УК РФ.

Однако действующая судебная практика не допускает освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, если в результате совершения преступления смерть пострадавшего наступила. Например, Волгоградский областной суд в апелляционном постановлении по делу № 22-317/2025, оставляя в силе решение суда первой инстанции об отказе в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела по ч. 1 ст. 109 УК РФ на основании ст. 76 УК РФ, указал, что «смерть человека – это неустрашимое последствие, которое компенсировать или загладить в полном объеме не представляется возможным».

В научной литературе продолжается дискуссия относительно того, что понимать под примирением с потерпевшим. Как подчеркивает в этой связи С. Е. Суверов, «примирение следует понимать как результат взаимных действий лица, совершившего преступление, и потерпевшего, в противном случае оно будет трансформировано в другое явление – прощение, сходное с актом амнистии или помилования, в котором роль государства исполняет частное лицо» [12, с. 34].

Факт примирения юридически значим, а процессуально его оформить можно в виде соответствующего заявления потерпевшего, поданного на имя компетентного субъекта уголовного судопроизводства, в котором он ходатайствует об освобождении лица от уголовной ответственности. В то же время С. Е. Суверов не соглашается с позицией специалистов, которые воспринимают факт примирения как сделку, «поскольку закон, кроме обозначенного заявления, не предусматривает каких-либо иных форм выражения состоявшегося мирного урегулирования конфликта» [12, с. 35]. По мнению ученого, «принятие такой концепции приводит к необходимости введения медиации, что влечет за собой усложнение порядка производства по делу, появление новых процессуальных стадий, наделение участвующих лиц дополнительными правами и обязанностями» [12, с. 35].

Мы уже говорили выше о препятствии освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим по делам о преступлениях, где интересы личности (читай – потерпевшего) выступают только дополнительным объектом (обязательным либо факультативным), а основным объектом являются иные блага (интересы правосудия, порядок управления и т. п.). Такая позиция поддерживается в научной литературе.

Например, говоря о недопустимости применения ст. 76 УК РФ в случае совершения такого преступления, как вынесение заведомо неправосудных при-

говора, решения или иного судебного акта, Н. В. Романенко отмечает, что «возможно, удовлетворяя интересы дополнительного объекта преступного посягательства, такое примирение никак не компенсирует интересы основного объекта – правосудия, и даже при выполнении всех формальных условий, предусмотренных ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ, лишь подчеркивает его неуместность» [13, с. 35].

В этой связи вызывает повышенный интерес практика рассмотрения судами ходатайств об освобождении лица от уголовной ответственности на основании ст. 76 УК РФ в тех случаях, когда лицо совершило преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 264 УК РФ. Обязательным признаком этого преступления является наступление смерти потерпевшего. Так, в апелляционном представлении Амурского областного суда по делу № 22-83/2025 государственный обвинитель просит отменить постановление суда и направить уголовное дело на новое судебное рассмотрение, в том числе на том основании, что «судом не дано оценки тому, что совершенное... преступление двухобъектное, основным из которых являются общественные отношения в сфере безопасности дорожного движения, а дополнительным – здоровье и жизнь человека».

Справедливости ради следует заметить, что в действующем Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2008 № 25 (ред. от 25.06.2024) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» сказано о том, что «прекращение уголовного дела о преступлении, предусмотренном частями 1, 2, 3 или 5 статьи 264 УК РФ, за примирением сторон (статья 25 УПК РФ) является правом, а не обязанностью суда». Тем самым высшая судебная инстанция отметила тот факт, что и по такому двухобъектному преступлению прекращение уголовного дела за примирением сторон возможно. Чтобы избежать дальнейших трудностей, касающихся применения ст. 76 УК РФ, законодателю следовало бы прямо указать о том, при совершении каких преступлений положения данной нормы не могут применяться. Подобным образом законодатель уже поступал применительно к ст. 73, 78, 78¹, 79, 82 УК РФ.

Выводы

Все вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Факт совершения преступления порождает уголовно-правовые отношения между лицом, совершившим преступление, и потерпевшим от этого преступления. Такие отношения реализуются в том числе в процессе восстановительного правосудия по уголовным делам, которые характеризуются особым субъектным составом: а) государство (в лице уполномоченных субъектов уголовного судопроизводства); б) лицо, совершившее преступление; в) потерпевший от преступления; г) медиатор (иные организаторы восстановительных программ). Особенностью возникновения уголовно-правовых отношений в ходе восстановительного правосудия является волеизъ-

явление как потерпевшего, так и лица, совершившего преступление.

2. Институт восстановительного правосудия в Российской Федерации не может существовать вне уголовно-правовых рамок. Модели восстановительного правосудия могут быть реализованы на стадиях предварительного расследования, предварительного дела в суде, рассмотрения дела по существу, обращения приговора к исполнению и в период отбывания лицом наказания.

3. Институт восстановительного правосудия соответствует всем принципам уголовного права (законности, вины, справедливости, гуманизма), а также некоторым целям наказания и иных мер уголовно-правового характера. Действующее российское

уголовное право содержит несколько норм, которые характеризуют материальные основания института восстановительного правосудия по уголовным делам. Таким основанием является ст. 76 УК РФ об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим.

4. Если институт восстановительного правосудия по уголовным делам будет оформлен в действующем уголовном законодательстве, то наиболее правильным шагом законодателя будет придание этому институту статуса иной меры уголовно-правового характера. Такое решение потребует внесения соответствующих изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Попаденко Е. В. Альтернативные средства разрешения уголовно-правовых конфликтов в российском и зарубежном праве. М., 2009. С. 11–12.
2. Handbook on Restorative justice programmes. New York, 2006. 105 p.
3. Гроенхейзен М. Медиация жертвы и правонарушителя: правовые и процедурные гарантии. Эксперименты и законодательство в некоторых европейских странах // Восстановительное правосудие / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2003. С. 12–31.
4. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000. 400 с.
5. Кругликов Л. Л. Средства дифференциации ответственности в Уголовном кодексе 1960 и 1996 годов // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 273–280.
6. Рогова Е. В. Учение о дифференциации уголовной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 55 с.
7. Келина С. Г. Восстановительное правосудие: уголовно-правовой аспект // Восстановительное правосудие / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2003. С. 70–81.
8. Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций : в 3 т. М., 2016. Т. 1: Общая часть. 742 с.
9. Келина С. Г. Наказание и иные меры уголовно-правового характера // Государство и право. 2007. № 6. С. 51–58.
10. Уголовное право. Общая часть. Наказание : академический курс : в 10 т. / под ред. Н. А. Лопашенко. М., 2021. Т. 10. 760 с.
11. Павлова А. А. Содержательно-видовая характеристика института иных мер уголовно-правового характера // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2013. № 3. С. 69–70.
12. Суверов С. Е. Социально-правовая обусловленность примирения с потерпевшим как основания освобождения от уголовной ответственности : моногр. Барнаул, 2023. 91 с.
13. Романенко Н. В. Интересы правосудия как объект уголовно-правовой охраны в преступлении, предусмотренном статьей 305 Уголовного кодекса Российской Федерации // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 2 (70). С. 144–156.

REFERENCES

1. Popadenko E.V. *Al'ternativnye sredstva razresheniya ugovolno-pravovykh konfliktov v rossiiskom i zarubezhnom prave* [Alternative means of resolving criminal law conflicts in Russian and foreign law]. Moscow, 2009. Pp. 11–12. (In Russ.).
2. Handbook on restorative justice programs. In: *Criminal Justice Handbook Series*. New York, 2006. 105 p.
3. Groenkheizen M. Mediation of victim and offender: legal and procedural guarantees. Experiments and legislation in some European countries. In: Petrukhin I.L. (Ed.). *Vosstanovitel'noe pravosudie* [Restorative justice]. Moscow, 2003. Pp. 12–31. (In Russ.).
4. Lesnievski-Kostareva T.A. *Differentsiatsiya ugovolnoi otvetstvennosti. Teoriya i zakonodatel'naya praktika* [Differentiation of criminal responsibility. Theory and legislative practice]. Moscow, 2000. 400 p.
5. Kruglikov L.L. Means of differentiation of liability in the Criminal Code of 1960 and 1996. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal Technique*, 2011, no. 5, pp. 273–280. (In Russ.).
6. Rogova E.V. *Uchenie o differentsiatsii ugovolnoi otvetstvennosti : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [The doctrine of criminal liability differentiation: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2014. 55 p.
7. Kelina S.G. Restorative justice: the criminal law aspect. In: Petrukhin I.L. (Ed.). *Vosstanovitel'noe pravosudie* [Restorative justice]. Moscow, 2003. Pp. 70–81. (In Russ.).
8. Naumov A.V. *Rossiiskoe ugovolnoe pravo: kurs lektzii: v 3 t. T. 1: Obshchaya chast'* [Russian criminal law: course of lectures: in 3 volumes. Vol. 1: General part]. Moscow, 2016. 742 p.
9. Kelina S.G. Punishment and other measures of a criminal-legal nature. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2007, no. 6, pp. 51–58. (In Russ.).

10. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Nakazanie: akademicheskii kurs: v 10 t. T. 10* [Criminal law. General part. Punishment: academic course: in 10 volumes. Volume 10]. Ed. by Lopashenko N.A. Moscow, 2021. 760 p.
11. Pavlova A.A. Substantive and specific characteristics of the Institute of other criminal law measures. *Zhurnal nauchnykh publikatsii aspirantov i doktorantov = Journal of Scientific Publications of Graduate Students and Doctoral Students*, 2013, no. 3, pp. 69–70. (In Russ.).
12. Suverov S.E. *Sotsial'no-pravovaya obuslovlennost' primireniya s poterpevshim kak osnovaniya osvobozhdeniya ot ugolovnoi otvetstvennosti: monogr.* [Socio-legal conditionality of reconciliation with the victim as grounds for exemption from criminal liability: monograph]. Barnaul, 2023. 91 p.
13. Romanenko N.V. The interests of justice as an object of criminal law protection in a crime provided for in Article 305 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 2 (70), pp. 144–156. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВНА ХОЛОИМОВА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического института Российского университета дружбы народов, Москва, Россия, vasilenko-as@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4029-8502>

ЛЕВ РОМАНОВИЧ КЛЕБАНОВ – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического института Российского университета дружбы народов, Москва, Россия, klebanov_lr@pfur.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1452-9568>

ALEKSANDRA S. KHOLOIMOVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Forensic Science of the Law Institute of the RUDN University, Moscow, Russia, vasilenko-as@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4029-8502>

LEV R. KLEBANOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Forensic Science of the Law Institute of the RUDN University, Moscow, Russia, klebanov_lr@pfur.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1452-9568>

Статья поступила 30.06.2025